

Генри Лайон Олди

Здесь и сейчас

*Часть сборника
Песни Петера Сълядека
(сборник)*

Хёнингский цикл

Генри Олди
Здесь и сейчас

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Здесь и сейчас / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Хёнингский цикл)

«Дорогу лучше рассматривать с высоты птичьего полета. Это очень красиво: дорога с высоты. Ни пыли, ни ухабов, – шел коробейник, обронил ленту. Бери, в девичьи косы заплетай! Обочина течет июльским медом, февральской сметаной, овсяным киселем ноября, пестрой волной мая. Мозоли, усталость, еж в груди остались внизу, на дороге – птице над дорогой этого не понять. Ей, стрижу-ястребу, тощей пигалице или клювастому горлоеду, дорога кажется самой чудесной штукой на земле. То ли дело будничное небо: крылья дрожат, враги не дремлют, стрела стережет, в облаке холодно, над облаком голодно. Вот и косятся птицы с завистью на лопухов-подорожников: ишь, ходят...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Здесь и сейчас	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Генри Лайон Олди

Песни Петера Сьядека

Дорогу лучше рассматривать с высоты птичьего полета. Это очень красиво: дорога с высоты. Ни пыли, ни ухабов, – шел коробейник, обронил ленту. Бери, в девичьи косы заплетай! Обочина течет июльским медом, февральской сметаной, овсяным киселем ноября, пестрой волной мая. Мозоли, усталость, еж в груди остались внизу, на дороге – птице над дорогой этого не понять. Ей, стрижу-ястребу, тощей пигалице или клювастому горлоеду, дорога кажется самой чудесной штукой на земле. То ли дело будничное небо: крылья дрожат, враги не дремлют, стрела стережет, в облаке холодно, над облаком голодно. Вот и косятся птицы с завистью на лопухов-подорожников: ишь, ходят...

Людей лучше рассматривать издали. Например, из окна; еще лучше, если окно расположено на самом верху башни. Это очень увлекательно: люди на расстоянии. Рыцарь не пахнет перегаром и чесноком, принцесса не кажется стервой, беременной от конюха, а первые встречные никак не норовят сунуть кулаком в зубы вместо того, чтобы поделиться вином на привале. Маленькие люди таскают за плечами маленькие истории – лживые, противоречивые и сиюминутные, собранные в кудель пряжи, нить за нитью плетут они гобелен одной, большой и чудесной Истории. Сиди в башне, смотри из окна, любуйся. Жаль, в башне сквозняки, крыша течет, мыши шуршат в углах, а ночью страхи присаживаются на край одинокой постели. Тут уж рыцарев перегар за доблесть сойдет, а стерва-принцесса или какая другая девка из Малых Брубулянцев за счастье сойдет, лишь бы теплая и в веснушках. С утраца добредешь до окошка, глянешь на этих, которые внизу, и аж задохнешься от холодка под ложечкой: ишь, ходят..

Жизнь лучше рассматривать со стороны. Из горних, значит, высей. Тогда она выглядит законченным и гармоничным артефактом, творением крылатого гения, а не сплошным недо-разумением простака. Глядя изнутри, ничего в жизни толком не разглядишь. Суета, томление духа, крошки в мятой простыне; одни камни собирают, другие разбрасывают, третьи этим камнем ближнего искренне любят, по темечку. А главное, замысла глазом не окинуть. Не познать в целостности. Выхватил горбушку? – жуй, давься, на каравай рта не разевай. Не про твою честь караваи пекутся.

Отчего же не удается, не складывается: дорогу – с высоты, людей – из окна, жизнь – со стороны? Если лучше? чище? прелестнее?! Идешь, пылишь, кашляешь, сам себе удивляешься. Дурацкие мысли в башке катаешь. Стучат мысли, гремят, подпрыгивают тележными колесами на ухабах. Вглядываешься из-под ладони: далеко ли еще? Далеко.

Ну и славно, что далеко.

Оно, которое далеко, отсюда лучше смотрится.

Здесь и сейчас

«Выбор всегда остается за нами. Всегда – за нами. Мы идем вперед мы торопимся, но хватит ли нам отваги прервать движение, остановиться, преодолевая страх, и повернуться спиной к опасности или счастью, которые всегда впереди, и лицом – к выбору, который всегда, вечно, неизменно и невидимо остается за нами?!»

Последняя запись в дневнике Бьярна Задумчивого, мага из Хольне.

*У обнаженного меча
Из всех времен одно —
Сейчас.*

Ниру Бобовай

– Чем?! – лицо корчмаря налилось краснотой.

– Песнями, – повторил Петер Сьядек, дурея от собственной наглости. – Я расплачусь песнями.

Корчмарь прошелся между столами. Тучный, дородный, он двигался вперевалячку, напоминая груженую фуру на Кичорском шляхе. Ручищи – окорока. Хватит такой по уху...

– Миска тушеной капусты, – задумчиво протянул Ясь Мисюр, оглядывая свою корчму, словно впервые ее увидел. – Две миски. С верхом. Пять черных колбасок, жареных в меду. Свиная печенка с тмином. Три кружки пива. Красного, чет-нечет...

– Четыре. Четыре кружки.

Петер Сьядек всегда считал себя честным человеком.

– Ага, четыре. И ночлег. Выходит, чет-нечет – песнями?!

Сквозь узкие оконца пробивалось утро. Котенок играл на полу с розовыми перьями солнца: охотился, урчал. Потом, разом забыв про игру, взялся умываться, мелькая шершавым языком. Петер позавидовал котенку. Кормят за мурлыканье...

– Вечером народ соберется, – плохо веря собственным словам, сказал он. – Я петь стану. Мне грошей дадут. Много. Я и расплачусь.

– Что ж вчера не насобирал?

– Вчера народу не было.

– А сегодня будет?

– Сегодня будет.

Нестерпимо захотелось встать. Но он понимал: тощий, как жердь, бродяга будет смешон рядом с раздобревшим на ветчине Мисюром. Столб у амбара. Карась рядом с матерым сомиком. Еще решит: сбежать хочу...

– Если бить надумаешь, – в голосе Петера Сьядека звучала скучная, привычная обреченность, – значит, бей. Оно полегчает. Только по уху не надо. Мне оглохнуть – хуже смерти. И музыку зря не трогай.

Он слегка толкнул ногой «музыку» – старую, изношенную лютню, завернутую в пеструю тряпицу – дальше, под стол.

– Мне твои песни... – буркнул корчмарь. – Мне твои гроши...

– Суббота нынче. Народ соберется...

– Мне твои уши...

У Петера вдруг защемило в брюхе. Вчера был вечер пятницы. И – пустая корчма. Если не считать рубежного охранца, судя по шнурам, сотника, приехавшего из Раховца с дамой. Скорее всего, женой. Им выделили лучшую комнату наверху. Сейчас знатная пара сидела у окна, завтракая лепешками с медом и сметаной. Дама прислушивалась к беседе, если так можно

было назвать справедливые требования Яся Мисюра и встречные предложения Петера. Дама улыбалась: добродушно, с расположением. Небось, когда бить станут – велит, чтоб прекратили.

Или не велит.

Дамы – они на зрелище падкие.

Скорее уж приходилось рассчитывать на милосердие другого гостя – высокого мужчины, закутанного в плащ. Посох с набалдашником, сучая возле стеночки, выдавал в своем владельце мага. Маги не любят насилия. Так говорят... Петер не смог припомнить, кто так говорит и почему. Наверное, просто очень захотелось, чтобы маги не любили насилия. Чтобы вмешивались, защищали, спасали. Он знал за собой плохую черту: придумать что-нибудь и сразу поверить в это, как в святую истину.

Корчмарь подошел ближе. Петер зажмурился, ожидая. Лишь бы не по уху. Левое ухо у него всю зиму плохо слышало, после истории в Легнице.

Не удержался, встал. Стоя легче терпеть.

– Мне твои гроши... – повторил Ясь Мисюр. – Дурень ты. С трубой. Трубадур, чет-нечет... Садись.

Не открывая глаз, Петер сел обратно на скамью.

– Дочка говорит: бросай корчму. Мол, чет-нечет, распродашься, переедешь к нам в Раховец. Внуков нянчить. По вечерам вдоль набережной гулять станешь. С тросточкой, навроде честного мещанина. Не ты – тебе наливать станут. И то верно: кубышка есть, сбереженья, зять в чинах, поможет... До конца дней хватит. А я без корчмы... Ну скажи мне, гусь ты перелетный, кто я – без корчмы-то?

Котенок потерялся о ногу Петера, и бродяга едва не подскочил. Думал: уже быют. Хуже нет, чем по ногам башмаками... С деревянной-то подошвой! После дорога адом кажется.

– Сиди, дурила. Песнями он... Что за песни?

– Есть веселые. Похабные, если надо. Для паромщиков, – под ресницами царила приятная темень. Там роились несбыточные надежды, обещая сбыться. – Сплавщики похабство уважают. Плясовые: овензек, козерыйка... Есть благородные: про рыцарей, про обеты. Могу балладу о битве при Особлоге. Сам сочинил...

Очень хотелось произвести впечатление. Все-таки сегодня шестая годовщина битвы.

– Сам он сочинил, – корчмарь хохотнул, и эхом донесся густой смешок со стороны. Наверное, сотник. – Чинил, чинил и сочинил. Сороки ему натрещали, чет-нечет...

Петер обиделся. Открыл левый глаз:

– Это кому другому сороки. А я все видел. Я в ополчении стоял, на круче. У меня копье было: большое. С зазубринами. Нам всем копыя раздали.

– Не надо, – вдруг сказал сотник. – Ясь, не надо про Особлогу. Отстань от парня. Я за него заплачу.

– Заплатит он, – бас корчмаря треснул странной, нагловатой усмешкой. – Заплатит он мне, чет-нечет... На всю жизнь осчастливит. Буду по Раховской набережной с тросточкой: чап-чап, чап-чап...

Петер Сълядек тихонько удивился отваге Яся Мисюра. Простой корчмарь, и не боится вот так, с рубежным охранцем... Похоже, бить раздумали. Спросить каши? Глядишь, расщедрится... гречневой, с салом...

Впрочем, вместо каши Петер вдруг решил обидеться насовсем.

– Это хорошая баллада. Очень хорошая. Я старался. Когда пою, все просят повторить. И в ладоши хлопают. Вот, про Сутулого Рыцаря, как он над Зигмундом Майнцским рубился...

Припотывая и старательно отбивая ритм по краю стола, Петер громко затянул:

– Встав спиной к стволу, он топтал вражью тень,
Умирая, как день, воскрешая, как ночь его,

И тончайший слой кожи горел на хребте,
Разрываясь меж деревом и позвоночником!..

Хохот сотника был ему ответом. Звонко вторила дама, всплеснув руками, затянутыми в дорожные перчатки. Колоколом гудел корчмарь Ясь. Даже дылда-маг соизволил улыбнуться уголком рта. Котенок в испуге отпрыгнул к лестнице, шипя, выгнув спину.

– Эй, Мисюриха! Каши певуну! С гусиной вышкваркой! Ну, потешил, чет-нечет...

– Ты правда был при Особлоге? – неожиданно спросил сотник, вставая. В птичьих, пронзительных глазах его стоял вопрос, куда более серьезный, чем могло показаться на первый взгляд. Петер только не мог сообразить, почему сотник придает этому такое значение. – Ты не бойся, отвечай по совести. Если соврал, я наказывать не стану. Был?!

– Был...

– С копьём на круче?

– С копьём.

– Чей штандарт от вас по левую руку вился?

– Княжий. Рацимира Опольского.

– Гляди, не врешь... И о чем думал?

– Кто? Князь?!

– Ты.

– Когда?

– Тогда. На круче.

Петер ощутил неодолимую потребность ответить правду. С ним такое случалось нечасто, и почти всегда завершалось побоями.

– Жалел. Что я на круче, а они – на том берегу. Сутулый Рыцарь, и Ендрих Сухая Гроза, и все. Будь я на их месте... Мне видно плохо было. Но я смотрел... Я честно был там. Нас потом через брод погнали.

– Убивал?

– Да, – мрачно набычился Петер Сьядек. – У меня копьё... Я его в живот, с разбегу, а он хыкнул и умер. Дальше не помню.

– Ты расскажи мальчику, Ясь, – кивнул сотник, в упор глядя на корчмаря. – Я ж вижу, у тебя язык во рту пляшет. Хочешь – расскажи. А мы наверху обождем. Как Сегалт приедет, пусть нам доложат.

Ступени скрипнули под шагами.

Корчмарь долго смотрел в стол. Потом поднял глаза на высокого мага. Тот еле заметно кивнул. Петер занервничал: он не понимал, что происходит, а непонятное всегда грозило перерасти в неприятное. Схватить лютню и бежать?

Если бы не обещанная каша, появившаяся перед ним, Петер бы удрал.

Но каша... с гусиной вышкваркой!..

– Ешь, дурила. Ишь ты – тень, чет-нечет, вражью топтал... Сам видел: корчма пустая. И сегодня пустая будет, и завтра. Народ знает, когда кум Мисюр никого видеть не хочет. А ты приперся поперек. Я глянул: тощий, ребра наружу, одни глазищи горят. Дай, думаю, подкормлю. На небесах зачтется. На этого цыпленка ты был похож, – корчмарь кивнул в сторону мага, и Петер еще раз подивился чудной отваге Яся. А в придачу – удивительному сравнению.

Вот уж где ничего общего!

– Только разбередил ты меня, парень. Растравил душу. Ладно, слушай. Если каши не хватит, я велю еще принести...

* * *

Дым над окраиной Пшесеки был хорошо виден. Корчма стояла на холме, выше перекрестка Кичорского шляха с дорогой на Вроцлав – место бойкое, и деревня, где Ясь Мисюр закупал провизию, просматривалась отчетливо. Вон, пламенем стрельнуло. Жгут Пшесеку, сучьи дети. Спасибо Божьей Матери, без души жгут, лениво. Не случись стычки у Жабьей Струги, и вовсе б махнули рукой. А так... Корчмарь вглядывался из-под козырька ладони, ломая голову в догадках: кто рискнул схлестнуться с вояками Майнцкого маркграфа? Кто-то из разбитых на границе рубежников-ополян?! Вряд ли. Рубежники пятки салом смазали, до самой Особлоги драпать станут. Зато теперь злые, как дьявол на Рождество, майнцы отыграются на сельчанах. Хорошо, если без резни обойдется – снасильничают десяток молодежи, мужьям рыло начистят, подвалы разворуют...

– Что там, Ясь?!

– Праздник. Как есть праздник, Мисюриха. Скоро запляшем козерыйку.

Жена стала плакать, утираясь передником. Ничего, пускай. Лучше сейчас, чем потом. Не позднее полудня и до корчмы доберутся, аспиды. Надо будет принять, ублажить, залить zenки пивом. Авось, не сожгут. Только сперва Люкерду в ухоронку отведу – спортят девку, бесово семя, а кому она, битая-порченная, занадобится? Да еще, не приведи Господь, с байстрюком в подоле...

Честь приданым не отмоешь.

– Ясь, скажут!

Корчмарь, моргая, всмотрелся. Таки скажут. Кони заморенные, едва тащатся. Пять всадников на три коня. Кого черт послал? – на майнцев непохоже, у них и лошади сытые, и седоки...

– Ясь, то Ендрих!

Совсем плохие глаза стали. Лишь теперь Ясь Мисюр узнал в человеке, боком сидевшем на гнедой кобыле, Ендриха по прозвищу Сухая Гроза. Атамана известной на все Ополье шайки. Так вот кто майнцев потрянул! Небось, обоз перехватить мыслил, да нарвался. Известный гордой посадкой красавец-Ендрих сейчас напоминал мокрую курицу: не поддерживай его второй всадник, свалился б с лошади. Усами в пыль. И морда в кровище изгваздана.

Вон, спешиваются.

– Мисюр, выручай!

Обвиснув на руках спутников, Ендрих ковылял к корчме. Был он широкоплеч, крепок телом, и друзья-побратимы только кричали, надрываясь от тяжести главаря. Всякий раз, когда Сухая Гроза ступал на правую ногу, он рычал и бранился не по-людски. Сломал, что ли? Или стрелой достали?!

– Мисюр! В схрон мне бы! Не уйдем...

В схрон ему! Корчмарь представил себе тайник, где прячутся Люкерда, кровиночка ненаглядная, и этот разбойник. С глазу, чет-нечет, на глаз. Потом в наследство атаманыша принесет... Толку-то, что сам Ясь не раз, не два укрывал доставленную Ендрихом контрабанду, что имел долю в добыче, помогая сбывать навар в Раховце или Вроцлаве?! Люкерда-дурочка от Сухой Грозы без ума: вздыхает, зовет Робин Гудом. Будет ей Робин, будет и Гуд в укромном местечке...

– Коней мало, Мисюр! Догонят! Спрячь, за мной не заржавеет!

Хорошо хоть, не грозит. Дескать, иначе корчму спалим. Ясь вновь глянул в сторону дымившей Пшесеки, потом перевел взгляд на атамана. Молод, хорош собой. Усы рожнами закручены. При деньгах. Кличку получил за бешеный норов да нелюбовь к лишней крови. Первое – плохо, второе – хорошо. А все едино: не такого муженька дочери нужно.

Ладно, долг платежом красен.

– Спрячу, Ендрих! Эй, тащите атамана в подвал!

Повернулся к жене:

– Беги за Люкердой. Пусть тоже в ухоронку лезет...

Жена выразительно покрутила пальцем у виска. Ну да, бабы срамное дело быстро разумеют.

– Беги, беги. Пускай Люкерда с собой этого возьмет... Приживала. Он старый, до девок не охоч. Приглядит. Скажи ему: ты, Джакомо, единственная надежда. Охрани, сбереги. Ежли, чет-нечет, нас за глотку...

Что правда, то правда – Джакомо Сегалту не до девок. Истаскался крючок. Хотя в молодости, по всему видно, погулял. Когда Люкерда взбеленилась да затребовала себе учителей, чтоб по-благородному – танцы-манцы-реверансы! – Ясь благодарил Бога, что подвернулся этот дряхлый гуляка. И в танцах, и в языках, и этикету обучен. Седьмой десяток разменял, а только в прошлом году сутулиться начал. Осанка вельможная. Люди говорили, раньше знаменитым кавалером был: на турнирах блистал, с маврами под стягом самого Фернандо-Кастильца бился. С османами на море воевал. Врут, должно быть. Людям сбрехать, что сучке хвост задрать. А вот что разорился кавалер подчистую, – в это верилось. Скитался, мыкался, последние годы сидел библиотекарем у Иеремии Ловича. Очень Иеремия благоволил к нему. Велел слугам насмешек не строить, гостям на потеху не давал. Сам частенько сиживал рядом, беседы вел. А как помер магнат, Джакомо с младшим Ловичем разругался вдрызг.

И ушел.

Сейчас за кусок хлеба, за крышу над головой девку пустякам учит.

– И меня! Меня спрячьте!

Дьявол бы его побрал, этого мальчишку! Совсем забыл... Корчмарь грузно, всем телом повернулся к вчерашнему заброду. Явился, дьяволенок, напросился переночевать. Серебряный секанец дал: за ужин с ночлегом. Где и взял? – украл, должно быть. Не поймешь: то ли шестнадцать юнцу стукнуло, то ли все двадцать. Воробей воробьем: тощий, встрепанный, одни глазищи – угольями.

– Кыш отсюда! Скатертью, чет-нечет, дорожка!

– И меня! Меня! Не спрячете, я майнцам все расскажу! Все!

Атаман Ендрих вопросительно скосился сперва на корчмаря, потом на своих головорезов. Дескать, заткнуть глотку? Красное от боли лицо Сухой Грозы дернулось: нет, пустой крови не любил. Впрочем, мальчишка даже не понял, что стоял на волосок от смерти. Опустил голову, украдкой смахнул стыдную слезу.

– Простите... Я сдуру. Нельзя мне к ним, в руки-то...

Вдруг просиял:

– У меня! Вот! Есть!!!

Грязная рука нырнула за пазуху. Миг, и на ладони сверкнул луч света – медальон. Золотой. Тут корчмарь не мог ошибиться, хоть на глазок, хоть на зубок.

– Я заплачу! Он волшебный!

– Золотишко? – на всякий случай уточнил Ясь Мисюр.

Мальчишка потупился:

– Н-не знаю... Наверное. Он взаправду волшебный. Это Бьярна Задумчивого, мага из Хольне.

Ендрих присвистнул, жмурясь. Если хлопец не брешет... Имя Бьярна, мага из Хольне, значило много. Спрячет гулящего Ясь, за такое добро в нужник спрячет и сам сверху сядет, чтоб не сыскали.

– От чего амулет? На удачу? На любовь?!

– Не-а... От тараканов. Положить за ставенку, век в доме тараканов не будет...

Корчмарь цыкнул на развеселившихся разбойников. Дорогая штука. Пускай хлопец пустобрех. Наболтал с три короба: тараканы, Бьярн... Воришка. Ладно, лишний глаз в ухоронке не повредит. Здесь другое, чет-нечет: двое парней, старый приживал-воспитатель и одна Люкерда?

– Эй, Сквожина!

На пороге объявилась служанка – плотная, коренастая, больше похожая на мужика. Близко посаженные глазки смотрели диковато и неприветливо. К подолу женщины жалась девочка лет пяти.

– Готовься. В ухоронку полезешь. Знаю я тебя: сунут лапу под юбку, а ты в ухо! Или брякнешь лишнего...

Сквожина цыкнула слюной сквозь зубы, но промолчала.

Пыльная темнота. Дразнящие запахи копченостей, пива, лука, вяленой рыбы. Из щели едва ощутимо ползет струйка винного аромата. Слышно, как снаружи Ясь Мисюр, сопя, заваливает потайную дверцу всяким барахлом. В эдаком хламе, даже сунься майнцы в погреб, рыться побрезгуют.

– Было бы крайне полезно зажечь свечу, – скрипит недовольный голос Джакомо Сегалта. Потом старик долго кашляет, прежде чем продолжить. – Я опоздал рассмотреть внутренность этого... м-м-м... помещения и теперь опасаясь сесть на что-либо неподобающее.

– Задницей на вилы, – ядовито уточняет Сквожина, чихнув.

– Или вы предпочитаете стоять, ожидая, пока майнцы не двинутся дальше, на Вроцлав? – невозмутимо заканчивает пожилой воспитатель, игнорируя ехидство служанки. Видно: старик давно сжился с дурным норовом женщины, пропуская ее брюзжанье мимо ушей.

– Уж лучше постоять. Вдруг свет заметят?

Вопрос принадлежит юноше-забрوده.

– Шиш они заметят. Мне в этой дыре не впервой отсиживаться. Лучше нам друг за дружкой приглядывать. Неровен час... У меня и кресало есть, и трут. Свечу прихватили?

– Извольте, Ендрих. Только я ничего не вижу.

– Держи в руке. Сейчас увидишь.

– Ага. Пушай в руке держит. И рукой туды-сюды елозит. Авось, свечка до небес вырастет! Без огня полыхнет...

– Заткнись, дурища!

– Полностью с вами согласен, Ендрих. При молоденькой девице... такие гадости...

– Мамка, хацу свецку! Туточки затемнотело! Пусть дядя Закомщик сделает огонек...

– Сделает дядя, сделает... хрена он сделает, твой дядя, и редькой доделает...

Щелкают удары кресала. Искры. Еще искры. Тянет дымком. В ладонях Сухой Грозы начинает медленно разгораться огонь – сперва темно-багровый, тусклый, дальше все более яркий. Верней, это позже становится видно, что в ладонях. Поначалу кажется, будто зловещий красный глаз возник во тьме.

– Теперь видишь? Давай сюда свечу.

Сутулая фигура заслоняет рдеющий «глаз». Треск фитиля, по стенам мечутся блики.

Свет! Живой, охристый.

– Благодарю вас. Люкерда, прошу садиться. Лучше вот сюда, на бочонок. Сейчас, я только пыль смахну. Табуретов здесь, как сами понимаете, не водится. Не говоря уже о стульях и креслах.

– Ковров не прикажете? – кривится Ендрих. Неизвестно, что ему больше докучает: боль в ноге или чопорность старика. – Вон в углу стоит, свернутый. Добрый ковер, из Шемахани. Давайте, давайте, я как раз на него лягу. Не на полу же валяться...

– Откуда у папы шемаханский ковер? И... вообще все это?!

Люкерда с удивлением осматривалась по сторонам. Тугие бревна ковров, тюки с тканями, аккуратные кованые сундучки и резные ларцы, бочонки, пузатые мешки. Местами из завалов и нагромождений торчат рукояти мечей, древко бердыша, полированная ложка самострела, гребень шлема...

Устраиваясь поудобнее, атаман оскалился с напускной веселостью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.